

МРНТИ 16.41.35

Научная статья

<https://doi.org/10.32523/2616-6887/2024-148-3-265-282>

Синтетическое посессивное отождествление «Я» и «Не-Я» в древнетюркских аффиксах принадлежности

А. Андирова*^{ORCID}, А. Каиржанов^{ORCID}

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан

(E-mail: andirovaalina@gmail.com, kairzhanov@list.ru)

Аннотация. В предлагаемой статье подвергается историко-философскому обоснованию посессивного мышления древних тюрков и лингвистическому исследованию категории принадлежности в текстах древнетюркского языка, образованной синтетическим морфологическим способом, то есть при помощи аффиксов принадлежности. Эти аффиксы генетически тождественны с общетюркскими средствами деривации, что делает их уникальными по сравнению с другими языками, прежде всего, тем, что они обладают «неотчуждаемыми» свойствами принадлежности, присущими только для тюркского мироощущения древнейшей поры. Такое понимание данной категории представляет актуальность исследования. Анализируется специфическая особенность мировоззрения кочевников Великой степи, связанная средствами выражения принадлежности, появившегося благодаря грамматической рефлексии, и сохранившегося во всех современных тюркских языках. Определяется, что синтетизм оказался наиболее экономным средством выражения значения принадлежности. Выявляем природу происхождения аффиксов принадлежности в древнетюркском языке на эмпирическом материале рунической письменности памятников Горного и Южного Алтая, а также в орхоно-енисейских памятниках и в других одиночных текстах древних тюрков.

Ключевые слова: посессивность, «неотчуждаемая» принадлежность, праформа, синтетизм, аффиксы, аккультурационные процессы.

Поступила: 03.03.2024; Принята: 16.09.2024; Доступна онлайн: 25.09.2024

Введение

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что многие аспекты тюркского словообразования, включая аспекты, связанные с категорией посессивности в тюркских языках, остаются недостаточно исследованными и не решенными. В современной теории тюркской деривации существует неопределенность в терминологии, отсутствует удовлетворительная методика описания явлений словообразования, и используются неоднородные критерии для определения статуса посессивных аффиксов и выделения способов их формирования. Современная тюркология не занималась вопросами выделения общих черт в аффиксах слов различной сложности, определения их словообразовательной формы и общего значения, а также выявления соответствующих словообразовательных моделей посессивных аффиксов. Настоящая статья направлена на решение этих вопросов путем установления системной организации изучения, а именно выяснения, каким образом выражается посессивность с помощью аффиксов принадлежности в древнетюркском языке, и на исследование некоторых аспектов категории посессивности [1, с. 18–24].

Кроме того, актуальность нашего исследования заключается в том, что мы исследуем ядерную природу категории посессивности в языке и мышлении древних тюрков, то есть синтетические морфологические способы образования посессивных отношений. Поэтому мы рассматриваем периферию поля посессивности, связанной с проблемой происхождения посессивности только для сравнительного анализа, то есть собственно лексические и синтаксические средства выражения значения принадлежности. Сравните, например, контекст, относящийся, по мнению авторов статьи, к 30-м годам 1 века н.э.: «oj sänhir älsig iti – «*посла ой-сенгира пайуза*» [2, с. 21–23]. Здесь значение посессивности определяется через его отношение к некоторому высокому или высшему лицу (ср.: sä хуннуский титул «шаньюй» ‘высший, высокий’). В этом минимальном контексте наблюдаем относительную номинацию, которая выражается синтаксическими средствами (ср., например, аналитические образования в русском языке: *его книга, книга Николая*).

Если рассматривать логическую и смысловую природу категории посессивности и ее семантической составляющей, то перед нами в древнетюркском языке появляется категория, относящаяся к области взаимоотношений вещей. Тюркское сознание и мышление было подвержено той рефлексии над взаимоотношениями вещей, когда человек стремился выделить эти отношения из структуры магически осмысляемых материальных связей, находясь в ритуальном обществе. В прототюркскую эпоху еще, по-видимому, не сформировались в полной мере причинно-следственные связи во времена взаимодействия с окружающими человека предметами. В это время мышление начинает активно выделять категорию посессивности благодаря тому, что, по-видимому, племенной союз перешел на другую ступень развития, находясь в структуре общинно-родового строя. Категория посессивности возникает раньше появления сознательного «Я». Появляется посессивное мировоззрение, когда четко и ясно фиксируется специальными языковыми показателями посессивность. Так, Л. Леви-Брюль

отметил, что в меланезийских языках произошло разделение существительных на два класса. В первом классе имена, описывающие, например, части тела, родственные связи и предметы, окружающие человека, формируются с использованием специального притяжательного аффикса. Во втором классе используется отдельное притяжательное слово, расположенное в начале имени, и этот класс может включать в себя другие предметы, не охватываемые первым классом: *tama* (отец), *tamaga* (мой отец), *ulu* (голова), *ulim* (твоя голова); *mal* (одежда), *niyu mal* (моя одежда) [3, с. 210]. Если исходить из древнетюркского эмпирического материала, то в этом случае появляется некое отождествление органического и социального (влияние пантеизма и тенгризма), то есть возникает тождество биологического организма и социальной организации тюркского племенного союза (Äl). Однако это отождествление имеет и другое отождествление: живая цельность прослеживается на различных предметах, что доказывает особенности рефлексивного первобытного мышления, исходящегося в органических представлениях, распространяемых на все области бытия. Сравните, например, в современном казахском языке числительное «семь» (*seviz*). Это числительное, да и другие, могут быть заменителями имени, и тогда при помощи аффикса притяжательности (-im) приобретает синтетическое посессивное значение. По-видимому, существовало и более древнее отождествление, связанное с мышлением и отразившееся в древнетюркском языке. Такое отождествление обозначается как отождествление индивида с природой, связанное с пантеистическими представлениями пратюрков.

Мы можем привести некоторые свидетельства о том, что синтетические формы принадлежности возникли намного раньше, чем, например, изафетные конструкции. По-видимому, они оказались на рубеже двух эр незавершенными явлениями в древнетюркских руноподобных одиночных надписях Южной Сибири. Сравните, например: «1. *Ini ergü äbi*. 2. *Bitidim*. 3. *Kiši oğl(i)ŋ (i)g(ä)*». – «Я написал (выбил надпись). Это жилище (место). Сынов человеческих, (храни) Владыка!» Эти три строки связаны друг с другом, первые две представляют собой метку на владение местом стоянки человеком, охраняемым духом-хозяином этого места. Однако в третьей строке в сочетании изафетная конструкция осталась незавершенной, то есть аффикс принадлежности отсутствует [4, с. 81–82].

В первобытную эпоху человек меньше всего ограничивал свое сознательное «Я», которое состоит из многих предметов и вещей окружающего его мира, включая продукты питания, коней, слуг, оружие, одежду, что принадлежало только владельцу и не могло принадлежать другому лицу. Об этом свидетельствуют археологические разыскания и обычаи, описанные в памятниках рунической письменности, когда, например, умирал Кюль-тегин, то существовал обряд трупосожжения и вместе с покойным умерщвляли его личного коня, слуг и супругу [5, с. 290–302]. В языке существовала разветвленная система притяжательных аффиксов. Например, изучая тексты «Памятника в честь Кюль-тегина» (VIIв.), мы наблюдаем рудиментарные аффиксы древнего недифференцированного мировоззрения древних тюрков. В языке фиксируется в виде дифференцированных и детализованных представлений посессивности. Сознательное «Я» - «не-Я» в значении притяжательных аффиксов остается нерасчленённым. Действительно, в

древнетюркскую эпоху язык койне письменных текстов находился на прономинальном уровне своей эволюции. Постепенно формировалось представления о сознательном «Я», о субъекте и субстанции при помощи грамматических форм посессивности. Однако это сознательное «Я» в течение длительного времени оставалось недостаточно дифференцированным от закономерностей природы и социальных норм племенного союза. Такое явление обозначается как «неотчуждаемая принадлежность» человека [5, с. 292]. В течение времени наблюдаем переход от фетишизма к анимизму и формирования прономинального строя языка.

Таким образом, в древности человеческому мышлению было легче определять свойства и характеристики предметов, а затем указывать, кому они принадлежат, чем искать определенные связи и отношения между различными объектами. В древнейшую эпоху человеческое мышление начало выделять отношения посессивности из обширного множества взаимосвязей явлений. Это произошло, в первую очередь, из-за экстралингвистических факторов, таких, как уникальные особенности организации жизни, например, древних тюрков, подвластных центростремительному влиянию общности. Коллективность была связана с племенным союзом «Эль» (Äl). Значение и сила принадлежали не индивиду «Я» (bän, män), а коллективному сознанию, которое регулировало жизнь каждого члена в рамках племенного объединения или рода.

Итак, целью нашего исследования является определение особенностей посессивного мышления древних тюрков и историко-философского обоснования синтетической природы категории принадлежности в древнетюркском языке.

Степень исследованности

Необходимо отметить, что изучение категории принадлежности тюркского языка определяется тем, что она не получила отдельного специального изучения в трудах многих ученых-тюркологов. Так, в трудах европейских ученых начала XX века подвергалась исследованию грамматика конкретных тюркских языков. Была исследована морфология, и пристальное внимание было обращено на отдельные аффиксы словообразования и словоизменения, были определены их значения и функции [6]. Так, аффиксы посессивности были определены в составе слова (например, saçı) [7]. Эти аффиксы были определены и в составе сочетания лексем, первым компонентом которых являлось личное местоимение: bänin bodunum; bizin kulayımız [8]. Эти исследования заложили основу для дальнейшей связки с общей грамматической структурой конкретного исследуемого тюркского языка или группы языков. И позже, в первой половине и в середине XX века, появились труды, посвященные теоретическим основам грамматики тюркских языков, когда тюркологи обратили свое внимание на изучение категории принадлежности, подвергая исследованию древнейшие рунические памятники письменности [9, с. 43]. Впервые была выделена черта этой категории, что она выражает не только посессивность, но и притяжательность в широком смысле слова [9, с. 43].

В современных научных исследованиях наметилась тенденция изучения процессов словообразования в функционирующих тюркских языках. Так, Р. Мухамедова в книге

«Kazakh a Comprehensive Grammar» в разделе «Морфология» определяет два типа аффиксов: местоименный и притяжательный [10, с. 108]. Для изучения тюркских языков России и Казахстана появляется ряд проектов. Например, в рамках проектов: «Шорика» (Э. Марсель) было изучено наряду с другими уровнями языка и словообразование тюркских языков Южной Сибири. В области морфологии шорского языка была создана автоматизированная система для морфологического анализа. Этот анализ проводился исследователями вручную на основе словаря аффиксальных морфем и шорско-русско-английского справочника путем выбора адекватного значения лексемы и аффикса, соответствующего анализируемой грамматической форме. Разбивка словоформы на морфемы, указание их грамматического класса и перевод на русский язык, а также передача этой информации на английском языке происходила автоматически. Другой проект «Чалканика» позволил опубликовать ряд работ. Так, в ФРГ был издан первый том с исследованиями по чалканскому языку [11]. Мы можем привести в этом плане обзор еще одного проекта на базе Свободного университета г. Берлин и ЕНУ имени Л.Н. Гумилева г. Астана («Взаимодействие тюркских языков и культур в постсоветском Казахстане» (И.А.Невская, К.Шёнинг)). Исследуя социолингвистические данные, они стремились проанализировать результаты явлений аккультурации, которые возникли в процессе продолжительного контакта и постоянного проживания тюркских и славянских народов на одной и той же территории. Подверглись исследованию язык турков-ахыска, были изучены особые случаи словообразования в этом языке [12, с. 19-34].

На основе этих проектов началось активное исследование и категории посессивности в тюркских языках: на материале телеутского, чулымско-тюркского, башкирского, якутского и других тюркских языков [13, с. 24-35]. Однако пока не проведены исследования, которые обобщали бы знание о посессивном мышлении древних тюрков и предоставили бы историко-философское обоснование категории принадлежности тюркских языков в диахроническом аспекте [14]. Отметим, что эта категория подверглась философскому осмыслению в начале и в середине XX века, посвященные в основном полинезийским языкам [3, с. 210]. Поэтому мы в нашей статье, опираясь на исследования наших предшественников, пытаемся заполнить этот пробел в области тюркской философии языка.

Материалы и методы исследования

Исследование проводилось на основе научного анализа источников, посвященных этой теме. Основным материалом для исследования стали труды таких ученых, как Невская И.А. Тыбыкова Л.Н., Эрдал М., Васильев Д.Д., Жолдасбеков М., Сарткожаулы К., Конкобаев К., Усеев Н., Шабданадиев Н. Важную роль в изучении категории принадлежности сыграл труд Невской И.А., Тыбыковой Л.Н., Эрдал М. «Каталог древнетюркских рунических памятников Горного Алтая», так как данный каталог представляет все зафиксированные на сегодняшний день 90 рунических памятников Горного Алтая, результаты их документации и расшифровки как предыдущими поколениями рунологов, так и авторами данной монографии. В сводной таблице и конкордансе

надписей предоставлена информация о месте и дате обнаружения, первооткрывателях и авторах расшифровок, а также точные географические данные местонахождения надписей при их наличии. Труд Васильева Д.Д. «Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири» сыграл важную роль в собирании примеров использования аффиксов принадлежности в древнетюркских памятниках письменности. В этой книге представлено множество эпиграфических материалов, ранее не опубликованных. Труд снабжен серьезным историко-филологическим комментарием, а сами тексты представляют собой уникальный источник информации о раннесредневековой истории коренных народов Южной Сибири. Кроме того, они свидетельствуют о широком распространении грамотности в кочевой среде и соответствующем уровне цивилизации [4]. Немаловажную роль в изучении аффиксов принадлежности сыграл труд авторов М. Жолдасбекова и К. Сарткожаулы «Атлас Орхонских памятников». В Атласе представлены обобщенные исследования многих ученых, которые более столетия занимались изучением различных аспектов Орхонских памятников. В нем описаны результаты работы всех экспедиций, проводивших изучение оригинальных документов на месте их обнаружения: финских и российских экспедиций XIX века, монголо-чешской, монголо-турецкой и монголо-советской в XX в., широко представлены новейшие материалы, полученные экспедицией ЕНУ имени Л. Н. Гумилева и Президентского центра культуры Республики Казахстан. В труде «Атлас Орхонских памятников» авторы предложили новые транскрипции и интерпретации текстов, а также предоставили обширные изображения высеченных текстов и связанных с ними культовых объектов. Нельзя не отметить труд под названием «Атлас древнетюркских письменных памятников Республики Алтай» казахстанских археологов Конкобаева К., Усеева Н., Шабданалиева Н. В данном труде были полномасштабно исследованы древнетюркские надписи, обнаруженные на территории Республики Алтай. Во время полевых работ в указанном регионе авторы исследовали около 100 надписей. В данном Атласе уделяется внимание дешифровке и новым прочтениям давно известных и недавно обнаруженных надписей, сделаны транскрипции и транслитерации, которые мы подвергаем анализу в нашей статье.

Для реализации выдвинутой цели мы используем методологию диахронной лингвистики для того, чтобы выявить происхождение посессивных аффиксов и, используя методы понятийного мышления, определить особенности посессивного мышления древних тюрков, отраженного в аффиксах древнейших рунических памятников письменности.

Во второй половине двадцатого века в структуре метода компаративистики произошли изменения в области лингвистического исследования. Во-первых, если ранее отдавался приоритет по решению проблем определения родства языков, то есть отдавался приоритет гомогенным явлениям, то теперь стали использовать достижения функциональной грамматики, и это приводило к историческому сравнению функций тех или иных лингвистических форм. Во-вторых, произошла тенденция объединения синхронии и диахронии; в-третьих, в настоящее время появилась необходимость поиска детерминации и причинных связей внутри исследуемой структуры языка. Мы считаем, что поиски детерминации и причинных связей в структуре древнетюркского языка

позволяет решить проблему происхождения категории посессивности, используя для этого приемы реконструкции праформы посессивных аффиксов.

Для выявления особенности посессивного мышления древних тюрков мы используем методологию Л. Леви-Брюль [3, с. 210] и К. Леви-Строс [15, с. 111–336]. Так, Леви-Брюль использовал приемы для определения ментальности древних людей как совокупность социальных представлений, то есть в нашем случае мы понимаем это понятие в самом широком смысле слова, как общие посессивные представления в социальном племени или роде о социальном мире. Леви-Брюль использовал основные концепции Э. Дюркгейма, где коллективные представления определены как система верований и чувств, общая для всех членов племени и не зависящая от индивидуальных особенностей личности. Он подчеркнул, что эти коллективные представления обладают своими уникальными особенностями: эмоциональную интенсивность и нечувствительность к логическим противоречиям. Кроме того, он вводит термин «пралогическое мышление», а это уже коллективное представление. И последнее подчинено определенным закономерностям, основным из которых является закон сопричастности. Это, прежде всего, потребность в сопричастности своей социальной группе, то есть каждая личность обладает «неотчуждаемой» принадлежностью в структуре своего племени. В результате исторического развития коллективные представления все больше приближаются к индивидуальным представлениям, формируя посессивные отношения между членами в социуме, то есть человек начинает выделять себя из среды, к которой он ощущает принадлежность. Именно в этот момент начинает формироваться его личностная идентичность. Человек начинает познавать себя и окружающий мир в неразрывном единстве. Согласно методологии К. Леви-Строс, функция мышления состоит в категоризации мира с помощью бинарных оппозиций – «Я» и «Не-Я».

Итак, применение приемов компаративистики и методов исследования понятийного мышления позволило выявить, что коллективное сознание имело глобальное значение в образовании и дальнейшего развития категории посессивности в языке древних тюрков, сохранившейся во многих функционирующих языках тюркских народов. Однако эта коллективность в древнетюркском языке в структуре сознательного «Я» и «не-Я» все еще находилось в состоянии слабой недифференцированности. Однако древний человек, развивая в себе представление о «Я» и «Не Я», начинал относиться к своему переживанию, рефлексии с точки зрения «моего» и «не моего», «того, чем я обладаю» и «того, чем я не обладаю», «того, чего я хочу» и «того, чего я не хочу». Итак, это некая попытка фиксироваться во времени и пространстве пребывающего в постоянном движении и изменении во внешнем и во внутреннем мире человека.

Результат и обсуждение

Категория принадлежности и посессивное мышление древних тюрков. Древнетюркский язык, сохранивший архаические формы языкового строя, оформляет сказуемое аффиксами посессивности. И порядок слов в предложении «субъект + объект + действие» («bodun ertim») [16, с. 211]. Однако это посессивное сказуемое содержит в

себе указание как на исполнителя действия, так и на объект действия. Рассмотрим текст из «Памятника в честь Кюль-тегина»: «bodun anča timis. «ellig bodun ertim. elim amty qany? Kimke elig qazyanur men», -tir ermis. «Qaуanlyу bodun ertim. Qaуanym qany? Ne qaуanqa isig küçig birürmin», -tir ermis. Anča tip tabуaç qaуanqa jaуу bolmys» [16, с. 211]. Категория принадлежности пронизывает все части тюркской речи. Например, парадигма спряжения глагола в условной форме отображается как рефлекс в языках, таких, как тувинский и казахский. В данных языках для формирования основы спрягаемого глагола в первом и втором лицах используется объединение самого глагола с аффиксом –sy / -si. Затем к полученной основе добавляется аффикс принадлежности, соответствующего лица, и формант условной формы –sa / -se, -za / -ze [14, с. 354].

Таблица 1. Спряжение глагола в форме условия в единственном и множественном числе

Единственное число		Множественное число	
1 лицо	al-zy-m-za, al-dy-m	1 лицо	al-zy-vys-sa, al-dy-m-yz
2 лицо	al-zy-η-za, al-dy-η-ba	2 лицо	al-zy-ηar-za, al-dy-n-yz
3 лицо	al-za, al-dy	3 лицо	al-za-lar, al-dy

Таким образом, в тюркских языках формы спряжения в условном наклонении для первого и второго лица в единственном и множественном числе имеют аналитическую структуру, включая основу спрягаемого глагола + аффикс причастия на dy / -di < -dyу / -dig + аффикс принадлежности соответствующего лица + связку, состоящую из основы вспомогательного глагола er- / ir- и условной формы на –sa / -se [14, с. 354]. Условная форма на –sa- -za- -la- ha восходит к более полному алломорфу –sa-r- -la-r, встречающемуся в древнетюркском языке aç-sa-r («если голоден»), tod-sa-r («если сыт») и т.п. [14, с. 354–355]. Так, личные окончания в 1-х и 2-х лицах совпадают с притяжательными окончаниями существительных. В настоящее время принято считать, что оба типа личных окончаний возникли независимо друг от друга, и их можно отнести к древним формам образования в истории тюркского глагола [14, с. 375].

Здесь наблюдаем архаический порядок слов в предикации («bodun ertim»), в которой посессивность выражена очень ярко – «объект + действие с посессивным аффиксом -m». В этом случае мы имеем как глагол, так и имя, использованные в предикативном смысле, что свидетельствует о рефлексе прототюркского состояния, когда еще не полностью сформировались грамматические категории, и части речи не были четко разграничены, что является следствием рудиментов фетишизма [5, с. 291]. Но здесь проявляется фетишизация силы и ловкости вождя, в данном историческом случае деятельность Эль-Терис кагана. Кроме того, в этой слитности глагола и посессивного аффикса -m отражается не столько действие, а сколько субъект является обладателем действия. Фактически действие, совершаемое субъектом, приписывается ему предикатом, потому что этот предикат ему только свойственен и ему всецело принадлежит.

Итак, в древнетюркскую эпоху человеческая абстракция сумела абстрагироваться от безличных вещей до осознания субъекта, хотя этот субъект еще оставался нерасчлененным

«Я – Не-Я», осмысляя его как некое орудие в нерасчлененном чувственном ощущении силы и ловкости человека. Древнетюркская структура посессивности рассматривала такой субъект как одновременно обладателя и владельца определенных действий и состояний, и такая категория посессивности в грамматическом смысле еще слабо указывала на субъект действия.

Теперь приступим к логической и смысловой природе категории принадлежности древнетюркского языка. Эту категорию выработало такое мышление, которое касалось взаимосвязей между объектами. В структуре этих взаимоотношений появилась логика принадлежности, которая отражает взаимосвязи между вещами и стремится выделить материальные связи из общего контекста окружающего мира. Этот высший уровень абстракции отражается в грамматической структуре древнетюркского языка. На этой стадии абстракции возникают сложности в определении причинных связей и взаимодействия, поскольку мышление начинает оперировать свойствами и признаками предметов, а посессивность между субъектом и объектами проявляется, не предоставляя явного представления о причинных связях этих вещей [5, с. 297]. Итак, древнетюркское мышление, определяя взаимоотношения вещей по отношению к субъекту, начинает выделять категорию принадлежности под влиянием и воздействием ритуального общества. Именно в такой прогрессирующей общности людей, объединенных в племенной союз, вопросы принадлежности начинают выполнять заметную роль в жизни индивида. Мы считаем, что появление посессивного мышления связано, прежде всего, с процессами в структуре первобытной эпохи, с общественным мифологическим сознанием племени. Поэтому категория принадлежности возникла, по-видимому, раньше категории самой личности. В этом отношении мы можем утверждать, что сформировалось посессивное мировоззрение, позволившее появлению специальных посессивных показателей, аффиксов, распространившихся синтетическим образом на все части тюркской речи.

Дальнейшее развитие посессивного мышления привело к усилению дифференциации представлений о принадлежности окружающего человека предметов органического и неорганического явления. Мышление древних тюрков, открывших для себя эту категорию, сделали посессивность основополагающим принципом своего мышления и сознания. Первые ученые, которые определили этот вид мышления, были Р. Кодрингтон и Л. Леви-Брюль [3, с. 210], подвергшие исследованию языки меланезийских народов. Их наблюдения показали, что в этих языках существительные подвергаются разделению на две категории в результате воздействия посессивного мышления: 1) существительные + посессивный аффикс, обозначающий часть органического целого (например, *ulu-m* "твоя голова"), что подчеркивает, что посессивность образована синтетическим образом. 2) Аналитические конструкции – притяжательное слово + существительное (*puğu + mal* 'моя одежда'). Существует различие между органической принадлежностью, или неотъемлемой принадлежностью, и внешней, случайной принадлежностью. Однако если слово из первого класса перенести во второй класс, то это слово подвергается семантическому сдвигу и слово получает совершенно новое значение [3, с. 210]. В древнетюркских рунических памятниках письменности (если рассматривать

и одиночные надписи на камне и на предметах) синтетические формы посессивности преобладают над аналитическими конструкциями посессивности. С точки зрения древнетюркской логики возникает процесс отождествления «Я» и «Не-Я». Представим типологию древнетюркского посессивного отождествления.

Таблица 2. Типология синтетического посессивного отождествления «Я» и «Не-Я»

№ п/п	Типы отождествления «Я» и «Не-Я»	Иллюстрация примеров из рунических памятников письменности
1	«Я» и «Не-Я» (органические взаимоотношения)	<i>Qaŋym türük bilige qaŋan bödke olurtym</i> («Памятник в честь Бильге-кагана») [16, с. 91].
2	«Я» и «Не-Я» (социальные взаимоотношения)	<i>älim, qanım sizä bökmädim // kün aj ölürtim, jita</i> (Е, второй памятник из Кызыл Чира, 4) [17].
3	«Я» и «Не-Я» (природные взаимоотношения)	<i>Jašil qaja jailayım, qizil qaja qışlayım</i> (İB, LI) [18, с. 100-109].
4	«Я» и «Не-Я» (взаимоотношения с предметами)	<i>oj sänhir älšig iti</i> [2, с. 21].
5	«Я» и «Не-Я» (синергетические взаимоотношения)	<i>Ne qaŋanqa ičig küčig birürmin? – tir ermiš</i> («Памятник в честь Бильге-кагана») [16, с. 92]. <i>Ol jylquŋ alyp igit(t)im</i> («Памятник в честь Бильге-кагана») [16, с. 94].

Итак, проведенное нами исследование демонстрирует нам, что общественный фактор выполняет ведущую роль, который понятен и наиболее близок древнетюркскому человеку. Ведь взаимосвязь между частями организма и их взаимодействие с самим организмом аналогичны отношениям между индивидами в структуре племени и их взаимосвязями с обществом. Возникает живая целостность, которая проявляется как органическая, так и социальная, отражаясь в разнообразии предметов, окружающих человека. Эти примитивные элементы мышления прослеживаются в языке древних тюрков, где это мышление закрепляется через категорию посессивности, проистекающую из абсолютных органических представлений, охватывающих всю доступную в то время сферу бытия. Из таблицы явствует, что возникает отождествление человека с природой. В древнетюркскую эпоху на рубеже двух эр и в раннем Средневековье в рунических больших и одиночных текстах мы наблюдаем, что в рамках племени человек меньше всего заботился и ограничивал свое сознательное «Я» пределами своего физического тела. Его осознанная идентичность включала в себя разнообразные личные вещи, такие, как оружие, одежда, продукты питания и в целом все то, что ему принадлежит. Однако все это зависело от его социального статуса в племени или в племенном союзе. Это объясняется

«неотчуждаемой» принадлежностью. Археологические разыскания показали, но не объяснили, почему сложился обычай захоронения покойника вместе с его личным оружием, одеждой и всем тем, чем он обладал при жизни, умерщвление близких ему людей и животных. Например, об этом свидетельствует захоронение праха Кюль-тегина в VIII веке н.э. Это фактическое отождествление человека с его личными предметами отражается и закрепляется в языке специальными посессивными показателями. Даже после того, когда возникают аналитические конструкции (под влиянием согдийского языка) посессивности типа «личное местоимение + существительное + аффикс посессивности», синтетический аффикс не исчезает. Сравните, например: «*menin (benin) bitigim*» (буквально означает 'моя книга моя').

Это отсутствие различий отражается в сознании человека, однако в языке оно фиксируется и воспринимается в виде ясных и детализированных концепций о принадлежности. Отсутствие разграничения между «Я» и «Не-Я» выражено как грамматическое и логическое содержание притяжательных показателей, представленных в виде своего рода аффикса (или алломорфа), используемого для выражения принадлежности. Итак, посессивные аффиксы являются теми древнейшими рудиментами, указывающими, прежде всего, на «неотчуждаемую» принадлежность. И этот рудимент, чувственно-вещевой фетиш, подвергается аннигиляции с постепенным переходом от фетишизма к анимализму, подвергаясь процессу агглютинации древнетюркского языка. В свою очередь, анимализм создает условия для отождествления личности и с природой, и с органическими системами, но в позднее время, переходя в структуру митраизма [19, с. 158–166], в древнетюркской интерпретации, фиксируемые в рунических текстах, эти процессы в мышлении древних тюрков протекают во взаимоотношениях Тенгри и Умай. Сравните, например, текст из «Памятника в честь Кюль-тегина: «*üze kök tenri, asra jayuz jer qylyntuqda ekin ara kisi oğlu qylynmys. Kisi oğlynda üze eçüm aram bumyn qağan, istemi qağan olurmys. Olurypan türük bodunyn elin, törüsin tuta birmis, iti birmis*» [20, с. 186].

Теперь необходимо рассмотреть проблемы образования аффиксов принадлежности в тюркских языках.

Вопросы происхождения аффиксов принадлежности. Все тюркские языки содержат грамматическую категорию принадлежности, присущую именам существительным. Данную грамматическую категорию установил в 1956 году Дмитриев Н.К., который дал ей следующее определение: «[эта категория]... выражает одновременно и предмет обладания и лицо обладателя» [21, с. 22–37].

Категория принадлежности может быть выражена следующими способами:

1) Морфологически, а именно при помощи особых морфем – аффиксов принадлежности, которые добавляются к основе существительного. В зависимости от последней буквы основы слова есть два варианта аффиксов: а) если основа оканчивается на гласный: турецк. –*m*, –*n*, –*si* (-*si*), –*miz* (-*miz*, –*muz*, –*müz*), –*ları* (-*leri*); б) если основа оканчивается на согласный: турецк. – (i, i, u, ü)*m*, –(i, i, u, ü)*n*, –*i* (-*si*), –*miz* (-*miz*, –*muz*, –*müz*), –*ları* (-*leri*). Например, *anne-m* («моя мать»), *baba-n* («твой отец»), *okul-u* («его (ее, их) школа»), *arkadaş-ımız* («наш друг (подруга)»), *teyze-niz* («ваша тетя»).

2) Морфолого-синтаксически, а именно при помощи личных местоимений в родительном падеже, расположенных перед определяемым объектом, а также соответствующих аффиксов принадлежности, добавляемых к концу названия объекта обладания. Например, турецк. *benim ablam* («*моя сестра*»), *onların kardeşi* («*их младший/ая брат/сестра*»); якутск. *qı:hiñ* («*твоя дочь*»), *qı:hibit* («*наша дочь*»); казах. *seniñ qalamuñ* («*твоя ручка*»), *onuñ dosy* («*его/ её друг*»).

3) Синтаксически, а именно при помощи сочетания притяжательной формы личных местоимений с наименованием объекта обладания. Например, узбекск. *mäniñ uj* («*мой дом*»), *säniñ uj* («*твой дом*»), *uniñ uji* («*его (ее) дом*»); тофаларск. *miim aýt* («*мой конь*»), *silerniñ boo* («*ваше ружье*») [22, с. 15–16].

Аффиксы принадлежности были использованы в тюркских языках еще в древности. Доказательством этого служит фраза на языке хунну, записанная иероглифами в китайской летописи 4 века. В.П. Васильев прочитал эту фразу как: «*сю чжи тилэй гян пугу тугоудан*», а В.В. Радлов восстановил тюркское звучание как: «*süsi sülägän rügu tutkan*» - («*войско выйдет, Пугу будет схвачен*») [22, с. 15–16]. Здесь приведены примеры лексемы *süsi*, где *sü* представляет «*войско*», а *si* - аффикс принадлежности. Также приведены значения слов *sülä-* («*ходить с войском, совершать набег*») [23, с. 517] и *tut-* («*ловить, захватывать в плен*») [23, с. 591], а также упоминается имя собственное *Buça qan* [23, с. 120]. Исходя из этого, можно интерпретировать предложение как «*Отправиться с войском в поход и захватить Бузу в плен*». Кроме того, эта грамматическая категория была нами попутно проанализирована при анализе текстов притч в одной древнетюркской книге X века «*İrq bitig*» [18, с. 100-109].

Итак, подведем итоги по исследованию истории происхождения и функционирования посессивных аффиксов. Первое важное наблюдение - это то, что притяжательные аффиксы в тюркских языках могут быть прибавлены только к формам родительного падежа личных местоимений. Второе: семантическое и функциональное развитие постпозитивных местоимений происходило путем постепенного сокращения лексического значения и усиления формально-грамматического значения с сопровождением постепенной утраты «острого» ударения. Третье: процесс сокращения местоимений в первом и втором лице протекал по-разному: местоимение первого лица, потерявшее самостоятельное ударение (получившее «тупое» ударение, образуя «вялую» артикуляцию), начало терять звуки с конца, сохраняя лишь начальный звук [m], который стал морфемой принадлежности первого лица единственного числа. Местоимение второго лица сохранило конечный звук [ŋ] в качестве морфемы принадлежности второго лица единственного числа (подобные взгляды представлены у Акбаева Ш.Х. [24, с. 7-10]. Почему же процесс сокращения для форм первого и второго лица шел по-разному? Для объяснения этого сложного вопроса следует использовать методы изоморфизма (выделение сходства явлений). В тюркских языках, где сложившиеся притяжательные аффиксы продолжали постепенно исчезать, превращаясь в односложные притяжательные морфемы, соблюдая законы гармонии гласных, что соответствовало их аффиксальной природе. Перейдя в положение аффиксальных морфем и получив второстепенное ударение («тупое» ударение), эти морфемы начали упрощаться с фонетической точки зрения. При этом второстепенное

ударение приходилось на второй слог притяжательного аффикса, что приводило к форме *mānin* › -*m* как результату губной ассимиляции *ŋ* › -*m* под воздействием начального -*m*, а форма *sānin* сократилась до -*ŋ* [22, с. 16].

В древнетюркском языке уже различаются и имена, и глаголы, да и другие части речи. Мышление и язык формируют местоименные индикаторы, будь то личные или притяжательные. Однако по своему смысловому содержанию все такие местоимения, как *mān* (*bān*), *sān*, *mānin*, *sānin* и другие, по-прежнему были слишком слитны с неличными предметами, то есть с «не-Я». Это связано с тем, что личное в то время еще не имело яркой дифференциации от природных явлений и ритуального общества на ранних этапах исторического развития тюркского Эля. В древнетюркскую эпоху тенденция мыслительного разделения «Я» от «не-Я» свершилось по их содержанию. Однако с причинными связями посессивность являлась чем-то внешним, зависящим от чувственных отношений над логическим анализом.

Анализ эмпирического материала позволил нам получить следующие результаты: категория принадлежности возникла в континууме племенного союза, рода и в этой среде и сформировалась личность человека. Как только человек начал отражать в словах отношения между вещами, так и сформировались посессивные отношения, оформляясь при помощи грамматических средств, отраженных в аффиксах, и при помощи этих средств человек стал обозначать и отражать окружающие реалии коллективной принадлежности. Это проявилось в структуре общего языка определенного рода, племени, обитающих в одном и том же регионе обитания степного ареала Евразии. Так, появилось понимание взаимоотношения предметов, в первую очередь, как отношения посессивности, прежде всего, как коллективной принадлежности (член конкретного племени, рода не мог жить и находиться вне этой фратрии), возникшее, по-видимому, в рамках жесткого ритуального общества. Разветвленная система тюркской посессивности объясняется еще и тем, что в древнейшую эпоху сознательное «Я» не подверглось дифференциации от «не-Я». Поэтому аффиксы принадлежности являются следствиями древнего недифференцированного посессивного мышления пратюрков. Особой чертой этой категории является то, что она выражает не только посессивность, но и притяжательность в широком смысле слова [9, с. 43], то есть посессивность понимается как «неотчуждаемая» принадлежность человека. Об этом свидетельствует в древнетюркских памятниках письменности VIII века обряд захоронения, что объясняется следствием или последствием «неотчуждаемой» принадлежности человека. Кроме того, этой закономерностью мышления древних тюрков можно объяснить смену имен, например, автор «Памятника в честь Кюль-тегина» Йолуг-тегин во время избрания его каганом получает другое имя – Бильге-каган, то есть он приобретает новую для него «неотчуждаемую» принадлежность.

2. Древние тюрки, открывшие впервые для себя категорию принадлежности, превратили ее в основополагающую и одновременно составляющую часть своего мировоззрения. Так, в древнетюркском языке категория посессивности может охватывать почти все имена без исключения в синтетических формах. Простое (именное) определение может принимать форму атрибутивного выражения через

использование прилагательного, существительного (изафет), местоимения или числительного. В тюркской коллективности мы наблюдаем одну закономерность, что в ее структуре сознательное «Я» и «Не-Я» все еще находилось в состоянии слабой недифференцированности, которое можно объяснить, с одной стороны, природой тюркских языков, агглютинацией. С другой, особая «вялая» артикуляция тюркской речи отличается от подобной артикуляции, например, в индоевропейских языках, что позволяет не различать в речевом такте ударные и безударные слоги в потоке речи.

3. Происхождение и функционирование посессивных аффиксов в тюркских языках тесно связаны с формами родительного падежа личных местоимений. В этих языках постпозитивные местоимения развивались, проходя через постепенное сокращение лексического значения и усиление формально-грамматического значения. Этот процесс сопровождался утратой «острого» ударения в речи. Сокращение местоимений в первом и втором лице происходило по-разному: местоимение первого лица, лишившееся самостоятельного ударения (и, таким образом, приобретшее «тупое» ударение и вызвавшее так называемую «вялую» артикуляцию), подверглось утрате звуков с конечной части и сохранило только начальный звук [m], который стал морфемой принадлежности первого лица в единственном числе. Местоимение второго лица сохранило конечный звук [ŋ] в роли морфемы принадлежности второго лица в единственном числе. Притяжательные аффиксы в тюркских языках постепенно исчезали, превращаясь в односложные притяжательные морфемы, соблюдая законы гармонии гласных в соответствии с их агглютинативной природой.

Заключение

В результате проведенного исследования и обобщения ряда работ, посвященных изучению категории принадлежности, мы пришли к следующему заключению.

1. В древнетюркском языке аффикс принадлежности является рефлексом мышления тюркского человека и грамматически репрезентируется при помощи лица и числа субъекта обладания. Эта категория отражает взаимоотношение между субъектом и объектом обладания, которое может выразить также и число объекта. Формы принадлежности, в первую очередь, определяются фонетическими явлениями в системе согласных и гласных фонем, схваченные закономерностями агглютинации языка и действием закона сингармонизма. В древнетюркском языке явление сингармонизма является подавляющим и охватывающим все слова в потоке речи. Это обусловлено особенностью, известной как «вялая артикуляция», потому что экспериментально доказано, что в потоке речи слова не обладают острым ударением, то есть отсутствием ударных и безударных слогов в речевом такте или во фразе. В связи вышеупомянутых процессов аффиксы принадлежности можно разделить на два типа в зависимости от того, заканчивается ли фонетическая основа слова на гласный или согласный. Эти аффиксы, помимо выражения значения обладания и собственности, в зависимости от семантических групп, с которыми они сочетаются (такие, как термины родства, простые числительные в роли имен, обращения к какому-либо лицу, обозначение частей тела, предметов обихода, абстрактных понятий, а также слов, указывающих на пространственные отношения и др.), выражают разнообразные отношения, основанные на органической связи одного предмета с другими предметами или лицами. Являющиеся

грамматической формой имени существительного аффиксы принадлежности могут также присоединяться к другим частям речи, например, к числительным, когда они используются в качестве имен существительных.

2. Практическая значимость проведенного исследования заключается, прежде всего, в том, что предлагаемая нами типология посессивного отождествления «Я» и «Не-Я» позволяет подвергнуть исследованию категорию посессивности в других тюркских памятниках письменности раннего и позднего Средневековья карлукской, кыпчакской и огузской группах тюркской языковой семьи, используя для этого методы современной лингвистики, в синхронно-диахроническом аспекте.

Список литературы

1. Краснощекоев Е.В. Выражение притяжательности с помощью аффиксов принадлежности в тюркских языках // Известия ЮФУ. – 2013. – №10. – С. 18–24.
2. Сарткожаулы К. Гуннское письмо // Альманах «Алем». – 1990. – №1. – С. 21–23.
3. Леви-Брюль Л. Выражение принадлежности в меланезийских языках. Эргативная конструкция предложения. – М.: Наука, 1950. – 262 с.
4. Васильев Д.Д. Корпус тюркских рунических надписей Южной Сибири. Ч. 1. Древнетюркская эпиграфика Алтая. – Астана: ProsperPrint, 2013. – 268 с.
5. Лосев А.Ф. О типах грамматического предложения в связи с историей мышления // Знак. Символ. Миф. – М.: МГУ, 1982. – С. 480.
6. Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte. – Heidelberg: Winter, 1918. – 48 p.
7. Bang W., Gabain A. V. Türkische Turfan-Texte I: Bruchstücke eines Wahrsagebuches. – Berlin: SPAW, 1929. – 411 p.
8. Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotacho. III. – Berlin: APAW, 1922. – 49 p.
9. Севортян Э.В. Категория принадлежности. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. – М.: Наука, 1956. – 335 с.
10. Muhamedova R. Kazakh a Comprehensive Grammar. – London: Routledge, 2015. – 348 p.
11. Erdal M., Nevskaya I., Nugteren H., Rind-Pavlovski M. Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 1: Texte und Glossar. – Harrassowitz Verlag, 2013. – 252 p.
12. Невская И.А., Тажибаева С.Ж. Современная тюркология и международное сотрудничество на Евразийском пространстве // Global-Turk. International Journal for Information and Analytics. – Turkic Academy, 2014. – №1. – С. 19–34.
13. Токмашев Д.М., Лемская В.М. Категория принадлежности в телеутском и чумыско-тюркском языках // Журнал лингвистических и антропологических исследований ТГУ. – 2015. – №4. – С. 24–35.
14. Тенишев Э.Р. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: морфология. – М.: Наука, 1988. – 560 с.
15. Леви-Стросс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
16. Каиржанов А.К. Сравнительно-историческая фонетика, морфология, синтаксис в тюркском языке: учебник. – Астана: ЕНУ, 2017. – 294 с.
17. Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков: Исследования и тексты. – М.–Л., 1952. – 116 с.
18. Kairzhanov A., Ayupova G., Shaldarbekova A. The Ancient Turkic Book of Reasoning and Revelations «İrq bitig» of X Century // Utopia y Praxis Latino Americana, 2018. – Vol.23(82). – P. 100–109.
19. Каиржанов А.К. Митраизм как логос света, мира и согласия // Рукопись: альманах. – Ростов-на-Дону, 2021. – №36. – С. 158–166.
20. Жолдасбеков М., Сарткожаулы К. Атлас Орхонских памятников. – Астана: Кюль-тегин, 2006. – 360 с.

21. Дмитриев Н.К. Категория принадлежности. Исследования по сравнительной грамматике тюркских языков. Ч. 2. Морфология. – М., 1956. – 335 с.
22. Каиржанов А.К. Лингвистическая методология: учебное пособие для магистрантов. – Астана: ЕНУ, 2018. – 112 с.
23. ДТС – Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – 567 с.
24. Акбаев Ш.Х. К вопросу о происхождении посессивных аффиксов в тюркских языках. Тюркологические исследования. – М.: Наука, 1976. – 271 с.

References

1. Krasnoshchekov E.V. Vyrazhenie prityazhatel'nosti s pomoshch'yu affiksov prinadlezhnosti v tyurkskikh yazykakh [Expressing possessiveness using affixes of belonging in Turkic languages], Izvestiya YUFU [Notices of SFedU], 10, 18–24 (2013) [in Russian]
2. Sartkozhauly K. Gunnskoie pis'mo [Hun letter], Al'manakh Alem [Al'manakh Alem], 1, 21–23 (1990) [in Russian]
3. Levi-Bryul' L. Vyrazhenie prinadlezhnosti v melanezijskikh yazykakh. Ergativnaya konstruktsiya predlozheniya [Expressing belonging in Melanesian languages. Ergative sentence construction] (Nauka, Moscow, 1950, 262 p.) [in Russian]
4. Vasil'ev D.D. Korpus tyurkskikh runicheskikh nadpisey Yuzhnoy Sibiri. Ch. 1. Drevnetyurkskaya epigrafika Altaya [Corpus of Turkic runic inscriptions of Southern Siberia. P. 1. Ancient Turkic epigraphy of Altai] (Prosper Print, Astana, 2013, 268 p.) [in Russian]
5. Losev A.F. O tipakh grammaticheskogo predlozheniya v svyazi s istoriey myshleniya [On the types of grammatical sentences in connection with the history of thinking]. Znak. Simvol. Mif [Sign. Symbol. Myth] (MGU, Moscow, 1982, P. 290–302) [in Russian]
6. Bang W. Monographien zur türkischen Sprachgeschichte (Winter, Heidelberg, 1918, 48 p.)
7. Bang W., Gabain A. V. Türkische Turfan-Texte I: Bruchstücke eines Wahrsagebuches (SPAW, Berlin, 1929, 411 p.)
8. Le Coq A. Türkische Manichaica aus Chotacho. III (APAW, Berlin, 1922, 49 p.)
9. Sevortyan E.V. Kategoriya prinadlezhnosti. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov [Category of possessiveness. Research on comparative grammar of Turkic languages] (Nauka, Moscow, 1956, 335 p.) [in Russian]
10. Muhamedova R. Kazakh a Comprehensive Grammar (Routledge, London, 2015, 348 p.)
11. Erdal M., Nevskaya I., Nugteren H., Rind-Pavlovski M. Handbuch des Tschalkantürkischen. Teil 1: Texte und Glossar (Harrassowitz Verlag, 2013, 252 p.)
12. Nevskaya I.A., Tazhibaeva, S.Zh. Sovremennaya tyurkologiya i mezhdunarodnoe sotrudnichestvo na Evraziyskom prostranstve [Modern Turkology and international cooperation in the Eurasian space]. In Global-Turk International Journal for Information and Analytics. Turkic Academy, 1, 19–34 (2014) [in Russian].
13. Tokmashev D.M., Lemskaya V.M. Kategoriya prinadlezhnosti v teleutskom i chumyskotyurkskom yazykakh [The category of possessiveness in the Teleut and Chumy-Turkic languages]. Zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy TGU [Journal of Linguistic and Anthropological Research of TSU], 4, 24–35 (2015) [in Russian].
14. Tenishev E.R. Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov: morfologiya [Comparative-historical grammar of the Turkic languages: morphology] (Nauka, Moscow, 1988, 560 p.) [in Russian].
15. Levi-Stross K. Pervobytnoe myshlenie [The primitive thinking] (Respublika, Moscow, 1994, 384 p.) [in Russian].

16. Kairzhanov A.K. Sravnitel'no-istoricheskaya fonetika, morfologiya, sintaksis v tyurkskom yazyke: uchebnik [Comparative-historical phonetics, morphology, syntax in the Turkic language: textbook] (ENU, Astana, 2017, 294 p.) [in Russian].
17. Malov S.E. Eniseyskaya pis'mennost' tyurkov: Issledovaniya i teksty [Yenisei written language of the Turks: Research and texts] (Moscow-Leningrad, 1952, 116 p.) [in Russian].
18. Kairzhanov A., Ayupova G., Shaldarbekova A. The Ancient Turkic Book of Reasoning and Revelations «İrq bitig» of X Century. Utopia y Praxis Latino Americana, 23(82), 100–109 (2018)
19. Kairzhanov A.K. Mitraizm kak logos sveta, mira i soglasiya [Mithraism as the logos of light, peace, and harmony]. Rukopis': al'manakh [Manuscript: al'manakh], Rostov-on-Don, 36, 158–166 (2021) [in Russian].
20. Zholdasbekov M., Sartkozha K. Atlas Orchonskikh pamyatnikov [Atlas of Orchon monuments] (Kyul'-Tegin, Astana, 2006, 360 p.) [in Russian].
21. Dmitriev N.K. Kategoriya prinadlezhnosti. Issledovaniya po sravnitel'noy grammatike tyurkskikh yazykov. Ch. 2. Morfologiya [Category of possessiveness. Research on comparative grammar of Turkic languages. P. 2. Morphology] (Moscow, 1956, 335 p.) [in Russian].
22. Kairzhanov A.K. Lingvisticheskaya metodologiya: uchebnoe posobie dlya magistrantov [Linguistic Methodology: a textbook for master's students] (ENU, Astana, 2018, 112 p.) [in Russian].
23. Drevnetyurkskiy slovar' [Ancient Turkic dictionary] (Nauka, Leningrad, 1969, 567 p.) [in Russian].
24. Akbaev Sh.H. K voprosu o proiskhozhdenii posessivnykh affiksov v tyurkskikh yazykakh. Tyurkologicheskie issledovaniya [On the issue of the origin of possessive affixes in Turkic languages. Turkic Studies] (Nauka, Moscow, 1976, 271 p.) [in Russian].

А. Андирова, А. Каиржанов

Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана, Қазақстан

Синтетикалық посессивті сәйкестендіру ежелгі түркі аффикстеріндегі «Мен» және «Мен емес» ұғымы

Андатпа. Ұсынылған мақалада ежелгі түркілердің посессивті ойлауының лингвисти-калық және тарихи-философиялық негіздемесі және синтетикалық морфологиялық жолмен, яғни аффикстердің көмегімен құрылған түркі тілдеріндегі посессивтілік категориясы қарастырылған. Бұл аффикстер түркі халықтарының ортақ туынды сөз құралдарымен генетикалық жағынан сәйкес келгенімен, оларды басқа тілдерден ерекшелендіретін, ең алдымен, олардың ең көне дәуірдегі түркі дүниетанымына ғана тән «ажырамайтын» тиесілік қасиеттері бар. Бұл категорияны түсіну зерттеудің өзектілігін білдіреді. Грамматикалық рефлексияның арқасында пайда болған және барлық қазіргі түркі тілдерінде сақталған посессивтілікті білдіру құралдарымен байланысты Ұлы дала көшпенділерінің дүниетанымының өзіндік ерекшелігі талданады. Синтетизм тәуелділіктің мағынасын білдірудің ең үнемді құралы екендігі анықталды. Таулы және Оңтүстік Алтай, Орхон-Енисей ескерткіштері мәтіндерінің руникалық жазуының эмпирикалық материалында ежелгі түркі тіліндегі посессивті аффикстердің пайда болу сипаты анықталды.

Түйін сөздер: посессивтілік, "ажырамайтын" тәуелділік, праформа, синтетизм, аффикстер, аккультурациялық процестер.

A. Andirova, A. Kairzhanov

L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan

Synthetic possessive identification “I” and “Not-I” in ancient Turkic affixes of belonging

Abstract. This article examines the linguistic and historical-philosophical justification of the possessive thinking of the ancient Turks and the category of possessiveness in Turkic languages, formed by a synthetic morphological method, i.e., using possessive affixes. These affixes are genetically identical with the common Turkic means of derivation, distinguishing them from other languages, first of all, by the fact that they have "inalienable" properties of belonging, inherent only to the Turkic worldview of the most ancient times. Such an understanding of this category represents the relevance of the undertaken research. Therefore, the purpose of our article is to reveal the features of the possessive thinking of the ancient Turks, reflected in the possessive affixes and how both the person and the number of the subject of "inalienable" possession are expressed. This feature of the possessive affixes is a special feature of this category; it expresses not only the meaning of possessiveness, but also possessiveness in the broad sense of the word, formed as a result of the possessive identification of “I” and “Not-I” in the thinking of a Turkic person. The article analyzes a specific feature of the worldview of the nomads of the Great Steppe, associated with the means of expressing possessiveness, which appeared due to grammatical reflection, and preserved in all modern Turkic languages. It is determined that synthetism turned out to be the most appropriate means of expressing the meaning of possessiveness. We reveal the nature of the origin of the possessive affixes in the ancient Turkic language on the empirical material of the runic writing of the monuments of the Mountain and Southern Altai, as well as in the Orkhon-Yenisei monuments and in other single texts of the ancient Turks.

Keywords: possessiveness, "inalienable" belonging, protoform, synthetism, affixes, acculturation processes.

Сведения об авторах:

Андирова А. – докторант кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Каиржанов А. – доктор филологических наук, профессор кафедры тюркологии, Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан.

Andirova A. – PhD student of the Department of Turkic Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Kairzhanov A. – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Turkic Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Astana, Kazakhstan.

Copyright: © 2024 by the authors. Submitted for possible open access publication under the terms and conditions of the Creative Commons Attribution (CC BY NC) license (<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/>).